

Павел Ха

ЕДИНСТВЕННЫЙ ПАССАЖИР

16+

Павел Ха

Единственный пассажир

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66108764

SelfPub; 2021

Аннотация

По летнему Воронежу в маршрутном такси едет человек. Только почему-то он один в салоне, и такси не останавливается на привычных остановках маршрута. Зачем человек едет, какие картины видит за окном, и что ждет его на конечной?

Павел Ха

Единственный пассажир

Он стоял перед белой «Газелью» и смотрел на выцветшую, знакомую до боли надпись: «СТОИМОСТЬ ПРОЕЗДА – 8 РУБ».

И чуть ниже:

«ОПЛАТА ПРИ ВХОДЕ».

– Обязательно, – пробормотал он, схватился за ручку и рванул на себя. Тяжелая дверь с противным жестяным скрежетом отъехала в сторону, обнажив полутемное нутро пассажирского салона.

В салоне было пусто. Все кресла застыли в ожидании пассажиров, которых, судя по запыленности сидений, не видели давно. Согнувшись, он проскользнул внутрь и уселся спиной к водителскому месту.

– Оплачиваем проезд! – прозвучало из кабины. Он пошарил в кармане, достал горсть монет и, не глядя, бросил в привычную пластмассовую чашку.

– А двери кто закрывать будет? Пушкин?

Он не ответил и даже не пошевелился. Эту фразу он слышал уже сотню раз.

«Газель» заворчала, тронулась, но тут же притормозила. Дверь по инерции проехала вперед и захлопнулась. Водительские хитрости – каждый раз одно и то же...

– Куда едем? – поинтересовался за спиной все тот же бесцветный голос.

– «Полины Осипенко», – буркнул он и закашлялся.

В кабине деликатно выждали, а затем повторили с той же интонацией:

– Куда едем?

– На Кудыкину гору! – рявкнул он.

За спиной незамедлительно откликнулись:

– Не понял! Остановка с таким названием ни в одном маршруте не значится!

– «Полины Осипенко»! – громко и четко произнес он и раздраженно добавил. – Мог бы уже запомнить...

Урчал мотор. Микроавтобус стоял, не трогаясь.

«Ну, давай, – устало подумал он, – спрашивай про время, про погоду...»

И словно откликнувшись на его мысли, невидимый водитель сказал:

– Время...

Будто и не спрашивал вовсе, а размышлял про себя.

– Полдень, – ответил он. – Середина июля.

– Погода?

– Солнечно, – сказал он. – Легкая облачность.

Подумал и зачем-то добавил:

– Без осадков.

Хрустнула коробка передач, маршрутка качнулась и поехала.

Он порылся в кармане, достал сигареты.

– Курить можно? – и, не дожидаясь ответа, щелкнул зажигалкой. Закурил, бросив косо́й взгляд на пожелтевшие листки бумаги, приклеенные к стеклу. На одном из них значилось:

«КУРЕНИЕ В ПАССАЖИРСКОМ САЛОНЕ СТРОГО ВОСПРЕЩАЕТСЯ!»

На другом:

«НЕ СОРИТЬ!»

Он горько усмехнулся и стряхнул пепел на пол.

– Музыку? – предложили из кабины.

– Нет.

Движение начиналось от цирка. Оно всегда почему-то начиналось именно отсюда. Вывернулся в окне знакомый цирковой купол, ярко засветились на афише крупные буквы:

«ГАСТРОЛИ МОСКОВСК...»

Остальное скрывали деревья.

За окнами проплывали – одна за другой – Воронежские улицы. Везде царила привычная суматоха. Сновали автомобили, сигналили, мигали поворотными огнями. Мелькали огромные рекламные плакаты, вывески, витрины магазинов блестяли на солнце. И люди, много людей, деловито вышагивали по тротуарам. Мальчишки на велосипедах носились вдоль домов. Неспешно брели старики. Красивые девушки в коротких волнующих юбочках весело смеялись над чем-то и по-птичьи взмахивали руками.

И все это уносилось назад, будто в прошлое, в далекие невозвратные дни.

Он курил молча, одну за другой, жадно затягиваясь, швырял на пол окурки. Слезы текли по лицу, он вытирал их дрожащей ладонью – они мешали видеть – и смотрел, смотрел... Он не стеснялся этих слез, потому что всегда плакал в маршрутном такси, но никто и никогда этих слез не видел.

Над Воронежем раскинулось великолепное голубое небо, по которому медленным стадом брели белоснежные кудрявые облака. Деревья стояли во всей своей изумрудной пышности, и легкий ветер шевелил их резную листву.

Маршрутка выехала на проспект Революции. Ослепительно сверкнула застекленная громадина кинотеатра «Пролетарий». Он посмотрел на плакаты с названиями картин и убедился, что фильмы все те же. Промелькнули здание ТЮЗа и одиноко сидящая на тротуаре серебряная собака с позолоченным ухом, ГУМ, почтамт, Дом офицеров. От дома к дому через проспект протянулась знакомая рекламная растяжка, которая кричала красным:

«ВИКЛАН» – ОКЕАН ЭНЕРГИИ!»

Слева за окном медленно поплыл Петровский сквер с позеленевшим памятником императору Петру. Под Петром бушевал митинг.

– Что-то новенькое, – пробормотал он.

Император опирался рукой на якорь и бесстрастно взирал на происходящее. Собравшаяся в сквере разношерстная

толпа гудела, размахивала плакатами и развернутыми транспарантами. На одном из них он успел прочесть:

«АПОКАЛИПСИС ГРЯДЕТ!»

Он вспыхнул, зло и грязно выругался, а затем произнес:

– Ну и шуточки у вас, в таксопарке.

В кабине молчали.

Такси свернуло направо и помчалось вниз по склону к Чернавскому мосту. И когда внизу призывно заблестела вода, он не выдержал и закричал:

– Стой!

Маршрутка послушно приняла вправо и остановилась у самой ограды.

– Остановка в неподобающем месте, – недовольно произнес голос из кабины. – Конечная?

Он не ответил. Приложив ладонь к груди, чувствуя, как бешено колотится сердце, он смотрел туда, где за окнами сверкающей рябью волновалось Воронежское море – водохранилище.

Если бы он только мог, если бы мог... Что ему стоило сейчас рвануть на себя ручку двери, выскочить наружу, одним прыжком перемахнуть чугунные перила – краткий миг полета, от которого перехватывает дыхание – с шумным плеском погрузиться в мутную зеленоватую глубину, ощутить прохладу настоящей воды, вынырнуть, отплеываясь, поплыть в тяжелой намокшей одежде, выйти на берег, осторожно ступая по бетонным плитам, гладким от скользких водорослей,

лечь на теплую, нагретую за день землю, смотреть, как высоко в небе проплывают облака, угадывать в них знакомые очертания, как в далеком детстве, и чувствовать себя бесконечно счастливым. Если бы он только мог...

Но он не мог.

Урчал мотор. Мимо проносились автомобили. Навстречу по пешеходной дорожке брел старый рыбак с удочкой на плече.

– Конечная? – повторили за спиной.

Щелкнула зажигалка. Он нервно затянулся, выпустил дым изо рта и резко ответил:

– Нет! «Полины Осипенко».

Маршрутка плавно тронулась и, быстро перестроившись, влилась в общий поток.

Они миновали мост, выехали на дамбу. Отсюда он хорошо видел весь правый берег. Воронеж словно напознал на водохранилище покосившимися старыми домиками и высокими многоэтажными особняками, усеявшими крутые обрывистые склоны. Купола церквей золотились на солнце, ярко горели кресты над темными кронами деревьев. Серебряно светился шар обсерватории на крыше дворца детско-юношеского творчества.

Проплывали щиты с обнаженными красавицами, но отсюда нельзя было разглядеть, что они рекламируют. Впрочем, содержание плакатов он знал наизусть:

«ВИКЛАН» – ЭНЕРГЕТИКА БУДУЩЕГО УЖЕ СЕГО-

ДНЯ!

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ УСТАНОВКА «ВИКЛАН» – ГРА-
ВИТАЦИЯ УСПЕХА!

«ВИКЛАН»! ЭФФЕКТИВНЕЙ АТОМА! ЭКОЛОГИЧ-
НЕЙ ВЕТРА! БЕЗОПАСНЕЙ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА! ДЕШЕВ-
ЛЕ ВОДЫ!

Мелькнул странный ободранный щит, которого он раньше
здесь не видел. На сохранившейся части виднелось:

«...ИС ГРЯДЕТ!»

– Да ну вас! – сказал он вслух. – Раньше надо было. Теперь
чего уж...

Ему вдруг стало невыносимо тоскливо. Яркий солнечный
день показался фальшивым – будто темная медь тускло блес-
нула под ободранной позолотой. Тогда он сказал, словно про
себя:

– Погода меняется! Дождь, затяжной...

И тотчас на стекла упали первые капли. Неизвестно отку-
да появилась серая пелена, затянула небо. Загудел ветер, по-
гнал по тротуарам легкий мусор.

Хлынул дождь.

За спиной зажужжали дворники стеклоочистителя, по
крыше «Газели» забарабанили тяжелые капли. Все сразу
изменилось. Город сделался серым и неудобным. Прохо-
жие, спрятавшись под пестрыми разноцветными зонтиками,
неловко перепрыгивали через лужи. В салоне стало прохлад-
нее.

– Так, пожалуй, лучше, – пробормотал он. – Хотя бы так. Хотя бы...

Они вывернули на Ленинский проспект, забрызгав водой неловко подвернувшегося пешехода, и помчались по прямой. Машин вокруг заметно поубавилось. Стало меньше и людей.

Он скользнул равнодушным взглядом по мертвой бронетехнике, застывшей у военно-исторического музея, по высоким многоэтажкам, по синим куполам Воронежской семинарии, по мокрым павильонам мини-рынка. Утраченная было связь с реальностью возвращалась. Все эти виды больше его не трогали.

Маршрутка замедлила ход и плавно затормозила у остановки. Микроавтобус замер. Лишь тихо ворчал двигатель.

Он увидел, как от остановки к «Газели» метнулись люди. Они толпились за окном, тянули руки к двери, но почему-то не могли ее открыть.

– Остановка «Полины Осипенко»! – объявили за спиной. – Конечная?

– Конечная, – подтвердил он и добавил:

– Выход!

– Спасибо за поездку! До свидания!

Окна погасли. Исчез Воронеж, исчезли толпящиеся снаружи люди, пропала остановка «Полины Осипенко» – все залила ровная чернота самой непроглядной ночи. В салоне воцарился полумрак. Лишь слабо дрожал тусклый желтый свет

маленькой лампочки у выхода.

Он повернулся к водителю. В кабине, конечно же, никого не было. Один лишь черный динамик на приборной панели.

Он выгреб из чашки и ссыпал в карман никому здесь не нужные и давно уже бесполезные монеты – наивный антураж прошедшего времени. Когда-то в маршрутном такси платили при входе. Эта горсточка монет хоть ненадолго помогала поверить, что вся эта поездка происходит на самом деле.

Наверное, он замешкался более чем обычно, потому что в салоне мигнули одновременно все окна, вернее – встроенные в окна мониторы. Вспыхнула и засветилась призывная надпись:

«АТТРАКЦИОН ПАМЯТИ – ПОЕЗДКА ПО ВОРО-
НЕЖСКИМ УЛИЦАМ».

А динамик в кабине всхлипнул и спросил:

– Новый маршрут?

Если до этого он испытывал к «Газели» что-то вроде благодарности, то теперь почувствовал глухое раздражение.

– Отмена! – резко и зло сказал он. Потянулся, рванул дверь, вышел наружу.

Огромный подземный зал с уходящим во мрак покатым сводом слабо освещался редкими электрическими фонарями. Не из экономии – энергии теперь, хоть отбавляй – просто яркое освещение здесь было ни к чему. Посреди этой пустоты одиноко белела старенькая «Газель», микроавтобус из прошлого, когда-то реально возивший пассажиров по ули-

цам Воронежа, а нынче переоборудованный в банальный аттракцион. Программисты из виртуального таксопарка создали потрясающе правдоподобную иллюзию поездки по городу. В действительности «Газель» всего лишь медленно описывала круги по залу, но на мониторах пассажир видел проносящиеся мимо дома, людей – все так же, как когда-то в прошлой, теперь уже недостижимой для всех жизни.

Он закурил и побрел к лифту. Странно, думал он, аттракцион был задуман как средство психологической разгрузки, а вышло все в точности наоборот. Некоторые даже с ума сошли, иные спешили свести счеты с жизнью, те, кто посильнее, больше сюда не возвращались. А вот для него виртуальное такси стало чем-то вроде наркотика, он приходил в этот зал регулярно и без поездок по несуществующему Воронежу жизни себе уже не представлял.

Все это было неправильно. Он отлично понимал, что нельзя жить, цепляясь за прошлое, что будущее строить можно только в настоящем, каким бы ужасным оно ни было. Понимал, но ничего с собой поделать не мог – невозвратно прошедшее не отпускало. Порой он давал себе слово: отрезать в памяти, забыть, никогда не возвращаться в это такси, но проходило время, ностальгия вспыхивала с новой силой, и он, проклиная все на свете, ругая последними словами собственное слабование, вновь брел в этот зал и отдавался во власть последней сохранившейся в этой жизни иллюзии.

Он вошел в кабину лифта, набрал код нулевого уровня.

Зажужжал невидимый механизм, кабина, медленно набирая скорость, поехала наверх. Он всегда после этих поездок поднимался на поверхность – может, для контраста ощущений, но, скорее всего, ему просто нравилось беречь собственные раны.

В лифте было грязно и неудобно, пахло сыростью и ржавчиной. Это был один из первых лифтов, уходящих в глубину, под землю, построенный наспех, без удобств, но достаточно надежно. Раньше у лифта хватало работы, но в последние годы почти никто не пользовался им – люди оставили этот район. Впрочем, иногда техник спускался в пустой зал для обслуживания машины и обновления программного обеспечения – тем немногим, кто еще находил в себе силы погрузиться в прошлое и вернуться в настоящее.

«Энергетика будущего», – вспомнил он. – «Гравитация успеха! Океан энергии!» Плакаты не лгали даже в виртуальности аттракциона, как они не лгали и тогда, в реальности уже минувшей действительности. Цивилизация всегда нуждалась в дешевой и изобильной энергии. Запасы угля, нефти и газа подходили к концу, атомная энергетика была слишком опасной. И вот тогда, в начале XXI века ничем не выдающийся ученый из Нижнего Новгорода Виктор Ланчуков изобрел установку, открывающую перед человечеством невиданные доселе возможности.

Ланчуков работал над теорией гравитационного поля и неожиданно для себя открыл способ воздействия на гравита-

цию. Он мечтал создать антигравитационный двигатель для полетов – тот, о котором всегда грезили писатели-фантасты, а в результате получил прибор, который при минимальных затратах давал невиданное количество полностью контролируемой энергии. По сути, Ланчуков изобрел вечный двигатель с невероятно высоким КПД.

После целого ряда успешных испытаний изобретатель запустил свое детище в поток и очень быстро стал одним из самых богатых людей планеты. Установка, которую он назвал «Виклан» – от сокращенного «Виктор Ланчуков» – помещалась в обычном автобусе, работала в любой точке планеты, нуждалась во внешнем питании только при запуске, и вырабатывала достаточно энергии, чтобы обеспечить потребности города с населением в 50 тысяч человек. Очень скоро появились мини-установки размером с книгу, питающие отдельные дома и квартиры. При этом установки были долговечны, дешевы в производстве и недороги в продаже. Появление «Виклана» означало прекращение использования традиционных источников энергии и конец всей энергетической промышленности. Казалось, человечество, наконец, обрело долгожданную эру счастья, изобилия и всеобщей сытости, но...

Первый тревожный звонок прозвучал, когда американский физик Уильям Климан опубликовал статью, в которой предупреждал о возможных последствиях вмешательства в гравитационное поле Земли. Впрочем, и сам Климан не

представлял, насколько разрушительными эти последствия могут быть. Вторыми были китайские ученые, предположившие, что подобная откачка энергии может привести к образованию так называемых энергетических пустот, поведение которых невозможно предсказать. Потом была группа российских физиков, развившая идею китайских коллег и разработавшая теорию о недопустимости использования установок типа «Виклан». Появились общественные организации, требовавшие запрета «Виклана», но все эти редкие голоса трезвомыслящих ученых и немногочисленные митинги протеста, состоявшиеся в разных городах земного шара, потонули во всеобщей эйфории, охватившей человечество...

Лифт дрогнул и остановился. Открылась дверь. Он прошел по темному коридору, где под ногами хрустели осколки стекла и позвякивали железки, вышел наружу.

Когда-то здесь был большой город Воронеж, а теперь бескрайний пустырь бесформенных развалин с огромной лужей зловонной грязи – бывшим водохранилищем. Из мертвой искореженной земли торчали проржавевшие балки, и над всем этим раскинулось мерцающее ядовито-зеленое небо без облаков. Земля изменилась, изменилась навсегда. Оставшееся в живых население планеты ушло под землю, создав целую сеть подземных коммуникаций. Но самое удивительное – человечество так и не отказалось от «Виклана». Ученые доказали, что использование новых энергетических установок запустило своеобразную цепную реакцию, необ-

ратимую по своей сути, и не зависящую от дальнейшей эксплуатации изобретения Виктора Ланчукова – самого богатого и знаменитого физика планеты, покончившего с собой в безымянной подземной лаборатории на глубине 360 метров.

Он стоял, чувствуя, как тяжелый, малопригодный для дыхания воздух обжигает легкие, вытирал дрожащей ладонью слезы и смотрел, смотрел... Через несколько минут ему нужно было вернуться вниз, чтобы остаться в живых, и он знал, что вернется. Пока существовал заброшенный подземный зал с одинокой «Газелью», пока еще дрожала тонкая ниточка, связывающая его с прошлым через правдоподобно живые картинки мониторов, он будет жить. Не ради будущего, в которое он не верил, и не ради настоящего, которого все равно, что не было, но ради прошедших дней – дней с голубым небом, зелеными деревьями, и такой разной, такой непредсказуемой жизнью, наполненной мечтами и несбыточными надеждами.